

Формирование и значение ассирийского нарратива в советской историографии древности

С. Б. Крих

Для цитирования: Крих С. Б. Формирование и значение ассирийского нарратива в советской историографии древности // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2022. Т. 67. Вып. 1. С. 228–243. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.115>

В статье рассматриваются истоки и особенности формирования взглядов на Ассирию, выраженных И. М. Дьяконовым и его учениками. Применен метод обратной хронологии, последовательно выделены характерные черты повествования об Ассирии от начала XXI в. до середины XX в., и обращается внимание на то, что И. М. Дьяконов, когда-то бывший основным специалистом по ассирийской истории, постепенно отдал ученикам практически все ее разделы, при этом основным направлением его исследовательских интересов в 1950–1980-х гг. стала шумерская история. Обращаясь к архивным материалам, автор утверждает, что ассирийский нарратив И. М. Дьяконова в своих характерных чертах возник еще до войны, во время написания им глав для многотомной «Всемирной истории», проект которой воплотился лишь полутора десятилетиями позже. Анализ машинописи, сохранившейся в Архиве Российской академии наук, показывает, что ассирийский нарратив И. М. Дьяконова сформировался под определяющим влиянием «Кембриджской истории древности» и лекций В. В. Струве. В первом случае повлияла ориентация на изложение большого объема материала, во втором — стремление к поиску неочевидных объяснений сути исторических процессов. При этом И. М. Дьяконов не разделял тех объяснений, которые давал В. В. Струве ассирийским сюжетам, пытаясь найти собственные, но согласующиеся с марксистским видением истории. Делается вывод, что переход И. М. Дьяконова от занятий ассирийской историей к работе преимущественно с шумерским материалом был обоснован его научной эволюцией и в наименьшей степени мог быть вызван желанием потеснить академика В. В. Струве с занимаемых тем позиций классика советской науки. На этот переход повлияли два основных фактора: во-первых, особые черты советской исторической науки, предполагавшие поиск глубинных объяснений почти исключительно в сфере социально-экономических отношений, во-вторых, специфика ассирийских источников, дававших ограниченный материал для понимания социально-экономических процессов.

Сергей Борисович Крих — д-р ист. наук, проф., Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, Российская Федерация, 644077, Омск, пр. Мира, 55а; KrikhSB@omsu.ru, krikhdwh@gmail.com

Sergey B. Krikh — Dr. Sci. (History), Professor, Dostoevsky Omsk State University, 55a, pr. Mira, Omsk, 644077, Russian Federation; KrikhSB@omsu.ru, krikhdwh@gmail.com

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ (проект № 20-09-41014) «От Святой Земли до рабовладельческой формации: история Древнего Ближнего Востока в российской исторической науке XX в.».

The reported study was funded by the Russian Foundation for Basic Research, project No. 20-09-41014 (“From the Holy Land to the Slave Formation: The History of the Ancient Near East in Russian Historical Scholarship in 20th century”).

© Санкт-Петербургский государственный университет, 2022

The Formation and Significance of Assyrian Narrative for the Soviet Historiography of Antiquity

S. B. Krikh

For citation: Krikh S. B. The Formation and Significance of Assyrian Narrative for the Soviet Historiography of Antiquity. *Vestnik of Saint Petersburg University. History*, 2022, vol. 67, issue 1, pp. 228–243. <https://doi.org/10.21638/11701/spbu02.2022.115> (In Russian)

The author of the article, using the method of backward chronology, highlights characteristic features of the narrative about Assyria from the beginning of the 21st century until the middle of the 20th century, and points out that I. M. Dyakonoff, who used to be the leading Assyriologist, gradually had delegated to his pupils almost all of the aspects of Assyrian history, retaining the history of Sumer within his major research scope. On the basis of archival documents, the author shows that the Assyrian narrative of I. M. Dyakonoff had been generally shaped even before the war, during his work on the chapters for the multi-volume “World History”. His Assyrian narrative was formed under the influence of the “Cambridge History of Antiquity” and V. V. Struve’s lectures: in the first case, this was evident in the presentation of a large amount of material; in the second case — in the desire to search for non-obvious explanations of the essence of historical processes. Moreover, I. M. Diakonoff did not share V. V. Struve’s views on the Assyrian history and attempted to present his position. The author concludes that the shift of I. M. Diakonoff’s interests from Assyrian history to mainly the history of Sumer was inevitable and was very unlikely to have been caused by the desire to supersede academician V. V. Struve in his status of the classic of Soviet scholarship. Two main factors influenced this transition: first, the features of Soviet historical scholarship, which presupposed a search for in-depth explanations almost exclusively in the socio-economic field, and secondly, the specificity of Assyrian sources, which contained scanty information about socio-economic processes.

Keywords: Soviet historiography, Assyriology, I. M. Diakonoff, *The World History*, archival data.

В истории отечественного востоковедения, а особенно в аспекте изучения истории Древнего Ближнего Востока особое значение играют две фигуры: В. В. Струве и И. М. Дьяконов. Первого справедливо ассоциировать с завершением дореволюционной и началом формирования советской науки, а второго — с высшей точкой советской и началом постсоветской историографии. Если излагать краткую историю изучения Древнего Востока в СССР, избегая деталей и полутонков, то преемственность и отторжение между взглядами этих двух исследователей могут служить идеальной основой для того, чтобы показать основные достижения и проблемы советской исторической науки.

При этом основа для изучения этих взглядов не будет одинаковой. Если В. В. Струве относился к тому поколению историков, которое предпочитало не писать о себе мемуаров и, возможно, было склонно избегать дневников (архив Струве в Санкт-Петербургском филиале Архива Российской академии наук (СПбФ АРАН) до сих пор недоступен), то И. М. Дьяконов на склоне лет выпустил достаточно обширную, хотя и не охватывающую вторую часть жизни, автобиографию. В этой

книге заметен скептический взгляд на личность и научные достижения Струве; Дьяконов фактически отказывается считать себя его учеником, подчеркивая, что с самого начала обучения лекции Струве ему не казались ни интересными, ни убедительными. Своим учителем Дьяконов скорее признает специалиста по древним языкам А. П. Рифтина, что является одновременно справедливой, но и сконструированной «генеалогией»: Рифтин, в отличие от Струве и Дьяконова, никогда не был склонен к сколько-нибудь широким обобщениям. При этом Дьяконов считает, что напрямую взглядам признанного советского академика он никогда не противоречил¹.

Нет необходимости говорить о том, что здесь перед читателем развернут миф о самом себе, ведь любой мемуарист поступает таким же образом в силу особенностей человеческой памяти и специфики жанра. Важно обратить внимание на то, что у нас нет сопоставимого другого мифа, который представил бы взгляд со стороны Струве². Тем не менее некоторые его элементы мы вполне в состоянии реконструировать, опираясь и на косвенные свидетельства других мемуаристов, и на отдельные высказывания академика, рассеянные в его опубликованных работах или в неопубликованных стенограммах различных заседаний. Они позволяют утверждать, что Струве долгое время как раз относил Дьяконова к числу своих учеников, хотя и не самых близких, но тем не менее находящихся под его общей опекой.

Важной частью этих отношений было то, что молодой Дьяконов представал перед Струве преимущественно в ипостаси историка Древней Ассирии, который обращался к шумерской истории только в виде исключения (видимо, примерно так Струве воспринимал раннюю публикацию Дьяконова о III династии Ура в 1939 г.³ или его рецензии на книги А. П. Рифтина и С. Н. Крамера⁴). Академик выступил в качестве оппонента на защите кандидатской диссертации Дьяконова, посвященной земельным отношениям в Ассирии, и, скорее всего, был инициатором включения молодого ученого в качестве автора глав по ассирийской истории в I томе «Всемирной истории» (как минимум, Струве, будучи редактором тома, не возражал против этого).

Соответственно, анализ ассирийского нарратива Дьяконова позволит понять, насколько он сам считал важным для себя это направление исследований, и предположить, почему в дальнейшем историк заметно расширил свои интересы. Для выполнения поставленной задачи уместно будет двигаться от «устья» к «истокам», то есть начать с анализа поздних работ Дьяконова об Ассирии и завершить первыми. При этом мы не ставим целью дать исчерпывающую библиографию обращений историка к ассирийской тематике, но в первую очередь попытаемся проследить, каким образом складывалось и менялось его целостное представление об ассирий-

¹ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. СПб., 1995. С. 262, 275, 279, 314, 318, 341, 366, 735.

² Если рассказ Дьяконова о себе подробен и последователен, то Струве в воспоминаниях современников предстает обычно в виде эпизодов, нередко в амплу героя анекдотов про ученых. Самый пространственный пример, пожалуй, см.: Антонова К. А. Мы, востоковеды // Восток. 1992. № 2. С. 140–146.

³ Дьяконов И. М. Письмо шумерскому царю Шу-Сину (к вопросу о земельных отношениях в Шумере) // Вестник древней истории. 1939. № 1. С. 59–64.

⁴ Дьяконов И. М.: 1) [Рец.:] А. П. Рифтин. Старовавилонские юридические и административные документы в собраниях СССР. М.-Л., 1937 // Там же. 1940. № 3–4. С. 238–240; 2) Новые данные о шумерской культуре. S. N. Kramer. Sumerian Mythology. Philadelphia, 1944 (Memoirs of the American Philosophical Society. Vol. XXI) // Там же. 1947. № 2. С. 104–113.

ской истории. В этом отношении нам поможет до этого неизвестный текст дьяконовского повествования об Ассирии конца 1930-х гг. — поскольку этот архивный материал, вводимый нами в оборот, является самым ранним из того, что было написано Дьяконовым на ассирийскую тему, его значение будет видно наилучшим образом в том случае, если мы вначале сможем оценить, как освещается эта тема в наше время.

В последней исследовательской книге Дьяконова «Пути истории» (1994 г.) Ассирия упоминается только ради нескольких примеров⁵, что и неудивительно, поскольку эта работа была попыткой осмыслить историю всего человечества. Издание солидной «Истории Древнего Востока», вдохновителем которой в первую очередь был ленинградский историк, прервалось после первых двух книг, вышедших в 1980-х гг.; Дьяконов написал в ней только историю ранней Ассирии. Завершающий том⁶ вышел уже после его смерти, автором главы по новоассирийскому периоду был его ученик В. А. Якобсон.

Однако передача ученикам дела по написанию северомесопотамской вообще и ассирийской в частности истории произошла раньше: в тех же 1980-х гг. Дьяконов стал инициатором издания своеобразного коллективного труда (так он был назван в аннотации) — «Истории Древнего мира» в трех книгах, которая была рассчитана на более широкого читателя, в отличие от «обширной документированной многотомной» «Истории Древнего Востока». Также в отличие от последней она была оперативно закончена и трижды издана в 1983, 1985 и 1989 гг. Книга одновременно являлась и курсом лекций (выступала в качестве альтернативы университетским учебникам⁷), и обобщающим трудом со специальными вводными теоретическими разделами, а значит, отчасти выступала и конкурентом академической «Всемирной истории», первые два тома которой, посвященные древности, вышли в 1955–1956 гг. (и практически сразу же стали объектом недовольства специалистов); в них все сюжеты по Ассирии писал сам Дьяконов. В издании же «Истории Древнего мира» среднеассирийский и новоассирийский периоды излагал В. А. Якобсон, раннюю историю Ашшура — Н. Б. Янковская (частично по материалам, подготовленным Дьяконовым, например о правлении Шамши-Адада I⁸). Конечно, редактором этих разделов по-прежнему выступал изначальный вдохновитель изданий.

Иными словами, Дьяконов в 1980-х гг. уже не является непосредственным автором «ассирийского логоса»⁹, но тем не менее продолжает контролировать его

⁵ Дьяконов И. М. Пути истории: От древнейшего человека до наших дней. М., 2007. С. 35, 46–48, 59.

⁶ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй / под ред. А. В. Седова. М., 2004.

⁷ То, как сформулирован отказ называть книгу учебником, уже говорит о том, что круг предполагаемых читателей должен был хотя бы частично совпадать с теми, кто читал учебники (студенты, лекторы, интересующиеся дилетанты), что, в общем, так и было: «Не будучи учебником, наша книга рассчитана на людей с достаточно высоким общеобразовательным уровнем и, следовательно, знакомых с основами исторического материализма» (История Древнего мира / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1989. Кн. 1: Ранняя древность. С. 9).

⁸ Там же. С. 183–184.

⁹ Косвенно отношение к ассирийской теме как периферийной подтверждает и то, что Дьяконов, кажется, не опубликовал по Ассирии ни одной работы на иностранных языках, если не считать, конечно, переиздания на английском первой части «Истории Древнего мира» или «Путей истории»: *Early Antiquity* / ed. I. M. Diakonoff. Chicago, 1991; *Diakonoff I. M. The Paths of History*. New York, 1999.

создание и общую структуру. Попробуем определить характерные черты этого нарратива, каким он выглядел на исходе советского времени.

Рассказ об Ассирии в интерпретации Дьяконова и его учеников начинается со времени, когда еще «не существовало даже самого понятия Ассирии»¹⁰, с характеристики торговых путей, проходящих через Северную Месопотамию: таким приемом обосновывается видная роль Ашшура в международной торговле той эпохи, а также подводится основа для объяснения дальнейшей политики ассирийских правителей, особенно на ранних этапах становления государства. Уделяется внимание создателю северомесопотамской державы Шамши-Ададу I, который подчинил себе Ашшур и послужил как бы образцом для дальнейших царей (хотя «никогда и не считал себя царем Ашшура»¹¹); при этом одним из результатов его деятельности был разрыв торговых связей Ашшура с Малой Азией, на территории которой исчезают ассирийские торговые колонии. Относительная слабость как касситской династии на юге, так и митаннийских правителей на западе позволили Ассирии выпестовать свою независимость, а также осознать важность военной поддержки в реализации торговых интересов.

В среднеассирийский период складывается держава, которой не без труда удалось захватить территорию всей Верхней Месопотамии, воюя с хеттами и вавилонянами. Взлет Ассирии при Тукульти-Нинурте I был кратковременным, а его попытка стать деспотическим правителем преждевременной. В следующие столетия переселения арамеев дестабилизировали ассирийские границы. Ассирийское общество этого периода оставалось достаточно архаичным, но уже проявилось стремление высших классов к изъятию земельной собственности у разорившихся общинников.

Новоассирийский период характеризуется как время создания первой «мировой» державы¹². Ассимилировав арамейских поселенцев, Ассирия вновь включается в борьбу за влияние в регионе, прежде всего стремясь взять под контроль Восточное Средиземноморье. Складываются две группировки в правящем классе — одна стояла за неограниченный грабеж завоеванных территорий (военно-бюрократическая знать), другая — за налаживание с ними экономических связей, способных приносить достаточные доходы (верхушка горожан и жречества)¹³; борьба за престол в Ассирии объясняется обычно противостоянием этих двух «партий». Грандиозные войны, развязанные Ашшурнацирапалом II и Салманасаром III, принесли царям большую добычу, но подорвали силы государства и, по сути дела, поставили вопрос о необходимости реформ, поскольку прямолинейная грабительская политика в сочетании с устаревшей военной организацией (комбинирование военных колонистов и ополчения) не только сделали невозможной реализацию амбициозных внешнеполитических задач, но и привели Ассирию на грань потери независимости.

¹⁰ История Древнего Востока. Зарождение древнейших классовых обществ и первые очаги рабовладельческой цивилизации. Ч. 2: Передняя Азия. Египет / под ред. Г. М. Бонгард-Левина. М., 1988. С. 90.

¹¹ История Древнего мира. Кн. 1: Ранняя древность. С. 203.

¹² История Древнего мира. Кн. 2: Расцвет древних обществ / под ред. И. М. Дьяконова, В. Д. Нероновой, И. С. Свенцицкой. М., 1989. С. 15. — Поскольку в советских изданиях Ассирию называли империей только с оговорками, то и слово «мировая» обычно подавалось в кавычках.

¹³ Там же. С. 28.

Решающие изменения в Ассирии провел Тиглатпаласар III: военная реформа дала боеспособную и надежную армию, административная позволила уменьшить влияние знати на царя, а также организовать управление завоеванными областями, в частности перейти к практике массовых переселений. В дальнейшем ассирийские цари смогли подчинить себе практически все крупные государства Ближнего Востока. Однако ассирийская политика вызывала сильнейшее противодействие покоренных народов, что привело к обострению борьбы группировок в самой Ассирии. Ярким проявлением этой борьбы стало разрушение восставшего Вавилона при Синаххерибе и его последующее восстановление при его сыне Асархаддоне. Тем не менее ни взятие Асархаддоном Египта, ни назначение двух сыновей на престол в Ассирии и Вавилоне не избавили державу от нового кровопролития: последнему удачливому царю Ашшурбанапалу пришлось не только воевать с соседями, но и подавлять восстания в самой державе, включая то, которое поднял брат (видимо, сводный) в самом Вавилоне. После смерти Ашшурбанапала Мидия и Вавилон смогли, объединив усилия, нанести контрудар по ассирийским городам, разорив главные центры, уничтожив войско и само государство. Этот закат предстает в «ассирийском логосе» Дьяконова и учеников закономерным следствием перекосов в ассирийской политике, так и не сумевшей перейти от завоевания к управлению.

За три десятилетия до появления этих обобщающих трудов практически единственным специалистом по Ассирии выступал сам И. М. Дьяконов — это было во многом следствием малочисленности ассириологов как в дореволюционной России¹⁴, так и в СССР. Если обратиться ко «Всемирной истории» — долго готовившемуся продукту советской историографии, которая замышлялась еще до Великой Отечественной войны в качестве ответа на всемирные истории, выходившие на английском, французском и немецком, но начала публиковаться лишь в 1955 г., — то можно увидеть в ней основные элементы того же самого повествования. Например, в начале истории Ассирии дано описание природных условий в верхнем течении Тигра, этнического состава населения, проходящих через регион торговых путей, а раннее ассирийское государство и общество характеризуются через анализ известных историкам наименований должностных лиц в Ашшуре и через устройство торговых колоний в Малой Азии¹⁵.

С учетом «парадного» характера издания, долженствовавшего представить основные достижения советской исторической науки в их каноническом виде, становится понятным, почему в этой версии ассирийской истории больше четких указаний на классовый характер ассирийского общества на различных этапах его истории и на развитие рабовладения. Иногда этой большей прямолинейности способствовал уровень знаний середины XX в.: в это время Дьяконов уверен, что Шамшиадад I «был сыном аморея Илакаббабу, захватившего власть в Ашшуре»¹⁶. Соответственно, царь показан как исполнитель задач завоевательной политики, которые поставила перед ним «верхушка ашшурского рабовладельческого общества»¹⁷,

¹⁴ См., например, работу, посвященную более частному вопросу, но позволяющую хорошо представить положение дел в целом: Емельянов В. В. Б. А. Тураев и борьба за шумерологию в русской науке начала XX века // *Религиоведение*. 2020. № 3. С. 5–18.

¹⁵ *Всемирная история*. Т. 1. М., 1955. С. 310–314.

¹⁶ Там же. С. 314.

¹⁷ Там же.

именно поэтому он стремился к «созданию деспотической монархии наподобие существовавшей в Вавилонии»¹⁸. Уже тогда Дьяконов относительно подробно останавливался на проблеме земельной собственности. Этой теме была посвящена его кандидатская диссертация¹⁹, и общий пафос этой части повествования тот же: царская власть ограничивала самостоятельность земледельческих общин, стремясь обеспечить для господствующего класса повиновение как рабов, так и масс «нищего рабочего люда»²⁰, а это, в свою очередь, работает на превращение власти царя в деспотическую.

Во «Всемирной истории» 1950-х гг. появляется и прообраз того, что позже стало одним из объяснений появления древних империй в теории Дьяконова, которая была выражена им уже в 1980-х гг.²¹ По его мнению, развитие рабовладельческих хозяйств (в Вавилонии и Ассирии) привело к тому, что у них появляется стабильный излишек продукции, который они готовы продавать на рынке, но дальнейшее их развитие наталкивалось на все растущий спрос на сырье, между тем как страны, производившие это сырье, жили еще в условиях нетоварного земледельческого хозяйства и мало нуждались во ввозе продуктов из развитых стран. Способом преодоления противоречия было завоевание этих территорий со стороны развивающихся рабовладельческих государств, а это, в свою очередь, требовало от них эффективной военной организации²².

Тем же стремлением дать сущностные трактовки всем важным историческим событиям объясняется и утверждение, что Саргон II оказался для вавилонских рабовладельцев более выгодным господином, чем халдей Мардукаплаиддин, поскольку в отличие от последнего он не стал принимать титул царя Вавилона, а обозначил себя только его наместником²³. Эта идея позже была развита В. А. Якобсоном с более подробной аргументацией²⁴.

¹⁸ Всемирная история. Т. 1. М., 1955. С. 314. — Позднее эту версию было совершенно невозможно поддерживать. Во-первых, одним из аргументов в пользу стремления заимствовать «все вавилонское» было введение в Ашшуре вавилонской разновидности клинописи. Но позже Дьяконов пишет уже о том, что Шамшиадад I принес в Ашшур среднеевфратскую клинопись, и потому культурный (и политический) центр его державы располагался скорее в районе Мари. Во-вторых, современная Шамшиададу Вавилония не была под властью одного царя, что делало копирование деспотизма как минимум затруднительным и уж безусловно потребовало бы путанных объяснений для того, чтобы сохранить убедительность аргумента в устах историка.

¹⁹ Дьяконов И. М. Развитие земельных отношений в Ассирии. Л., 1949.

²⁰ Там же. С. 317. — В версии «ассирийского нарратива» 1950-х гг. прослеживается аккуратное, но систематическое стремление давать более или менее адекватные оценки развитию рабовладения: подчеркнуто, что ашшурские купцы не занимались работоторговлей (Там же. С. 314), во фразе «держа в повиновении рабов и массы нищего рабочего люда» (Там же. С. 320) слово «массы» относится только к бедным свободным и т.п. К этому же времени относится публикация Дьяконовым ассирийских законодательных источников с комментариями, отмеченными явной рефлексией над тем, как охарактеризовать ассирийское общество выверенной терминологией. См.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова // Вестник древней истории. 1952. № 4. С. 205–311.

²¹ Дьяконов И. М., Якобсон В. А. «Номовые государства», «территориальные царства», «полисы» и «империи». Проблемы типологии // Вестник древней истории. 1982. № 2. С. 3–16.

²² Всемирная история. Т. 1. С. 540.

²³ Там же. С. 547.

²⁴ История Древнего Востока. От ранних государственных образований до древних империй. С. 362–363.

Конечно, уже в этом варианте ассирийской истории присутствует и идея противостояния между двумя группировками правящего класса (военной и жрецеской), определяющего содержание внутривнутриполитических интриг в Ассирийской державе.

Можно было бы говорить о том, что возникновение «классического» варианта отечественного «ассирийского нарратива» вполне объяснимо его публикацией во «Всемирной истории», поскольку это как раз тот труд, который создавался в результате долгих обсуждений, а кроме того, возник на той стадии развития советской науки, когда она, с одной стороны, уже восстановила уровень работы с источниками, а с другой — находилась в условиях ослабления идеологического диктата. И хотя полностью эти соображения снимать со счетов нельзя, история рождения повествования об Ассирии была несколько иной. Обращение к архивам позволяет утверждать, что Дьяконов создал его ключевой набросок намного раньше 1950-х гг., собственно говоря, еще до войны.

Создание «Всемирной истории» было давним проектом АН СССР, а работа над томами по древности велась начиная с конца 1930-х гг. Были к ней привлечены и братья М. М. и И. М. Дьяконовы. В значительной степени дело погрязло в бесконечных заседаниях, деловой переписке и прочих организационных сложностях²⁵, но том, посвященный истории Древнего Востока, был вчерне готов перед началом войны. Часть глав, написанных для него, со следами правки, сделанной редактором тома А. Б. Рановичем, сохранилась в Архиве РАН. И. М. Дьяконов написал, в частности, главу 21 «Ассирия XIX–XI вв. до н.э.»²⁶ и главу 26 «Ассирия X–VII вв. до н.э.»²⁷. Это машинописный текст с некоторым количеством внесенных от руки исправлений и дополнений автора (внесенных округлым дьяконовским почерком, отличным от почерка редакторов). Написание этих глав можно достаточно уверенно относить к 1939 г.: в феврале 1939 г. И. М. Дьяконов на совещании в Ленинградском отделении Института истории Академии наук ставил вопрос о том, что для главы о Новоассирийском царстве выделен недостаточный объем (только два печатных листа)²⁸; а в мае 1940 г. рукопись тома обсуждалась на специальном совещании, которое вел А. Б. Ранович, к тому времени уже основательно ее проработавший²⁹. Очевидно, что между этими датами и велась основная работа Дьяконова над текстом.

Основная канва этих глав, в сущности, та же, что и в опубликованной после войны «Всемирной истории». Ввиду сравнительной подробности этого повествования, можно фиксировать не только больший объем фактического материала (чем, прежде всего, во «Всемирной истории»), но и некоторые частности аргументации. Так, автор указывает, почему раннее развитие торговли в Ашшуре не при-

²⁵ Картюк С. Г., Крих С. Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период: поиски управленческой модели // Вестник древней истории. 2018. Т. 78, № 1. С. 1011–1031.

²⁶ [Дьяконов И. М.] Глава 21. Ассирия XIX–XI вв. до н.э. // АРАН. Ф. 1577. Оп. 6. Д. 430. 37 л.

²⁷ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н.э. // Там же. Д. 431. 87 л.

²⁸ Протокол заседания Сектора истории Древнего мира ЛОИИ от 23 февраля 1939 г. // СПФ АРАН. Ф. 133. Оп. 1. Д. 1599. Л. 21.

²⁹ Стенограмма заседания Бюро отделения истории и философии от 27 мая 1940 г. — вечернее заседание. О втором томе «Истории Древнего мира» // АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Л. 17. 135 л. — В названии совещания вкралась показательная ошибка: второй том «Всемирной истории» назван вторым томом «Истории Древнего мира».

вело к разложению архаической структуры ассирийского общества: транзитный характер торговли не вовлекал в товарообмен массы ассирийского крестьянства³⁰, пертурбации в регионе после падения Хеттского царства привели к нарушению торговых связей и ослаблению в Ассирии политики «купца и война»³¹. Указано, чем отличалось положение Ассирии от Сирии: если последняя была открыта со стороны степи ударам кочевников и торговые центры в целом были растянуты на большем пространстве, то отдаленная от кочевых областей Ассирия, контролирующая торговый путь по Тигру и близко расположенная от путей по Евфрату и Дияле, была единой уже к началу XIV в. до н.э. и могла при удачном стечении обстоятельств удерживать военной силой все ближайшие транзитные пункты³². Точно так же лучше развернуто объяснение, как грабительские войны повлияли на вовлечение крестьянских хозяйств в товарно-кредитные отношения: рассчитывая на дисциплинированное войско для дальних походов, ассирийские цари создали сословие «крестьян-воинов»³³, которые могли рассчитывать на военную добычу на время отрыва от земли. «Но для того, чтобы имущество, приобретенное воином в походе, могло компенсировать убыток, понесенный его семьей и хозяйством от ухода работника, чтобы семье было на что взять наемника или приобрести необходимое путем купли, нужно, чтобы это приобретенное богатство было вовлечено в товарооборот»³⁴. Если же поход заканчивался неудачно или воин погибал, «его хозяйство становилось добычей ростовщика»³⁵. Уже в этой рукописи реализован метод использования данных по социальному строю в Аррапхе в целях перенесения их на Ассирию по принципу аналогии³⁶. Наконец, в рукописи объяснено, почему противостояние двух группировок правящего класса было непреодолимым: позиция армии была неустойчивой, поскольку ее представители, будучи в целом несознательными, видели выгоду в «программах» обеих сторон³⁷. Среднеассирийское общество характеризуется как «примитивно-рабовладельческое»³⁸, а Новоассирийская держава — как «военно-паразитическая»³⁹.

В рукописи видны черты времени — была добавлена (а затем зачеркнута, скорее всего редактором) вставка: «Тов. Сталин в своей работе “Марксизм и национальный вопрос” указывает на большое значение простого военного успеха или

³⁰ «Хотя объем торговли, которую вел Ашшур в предшествующую эпоху, был по тем временам чрезвычайно велик — и это неудивительно, имея в виду, что фактически все сырье должно было ввозиться в Вавилонию с севера, — однако, ведя к обогащению верхов ассирийского общества, торговля не произвела особо разрушительного действия на архаическую структуру самого ассирийского общества» ([Дьяконов И. М.] Глава 21. Ассирия XIX–XI вв. до н.э. Л. 2).

³¹ Там же. Л. 18.

³² Там же. Л. 5–6.

³³ «Поэтому ассирийские правители, поставившие себе целью ведение завоевательной политики в интересах торговли, встали перед задачей организации армии крестьянской. Всенародное ополчение, годное для обороны и для стычек с соседями, не подходило для завоевательных войн, требовавших ежегодных длительных походов. Выходом до известной степени явилось создание особого сословия крестьян-воинов...» (Там же. Л. 29). Слово «крестьян» вписано позже, возможно редактором.

³⁴ Там же. Л. 30.

³⁵ Там же. Л. 30–31. — Последняя фраза, возможно, вписана редактором.

³⁶ Там же. Л. 25–26.

³⁷ Дьяконов И. М. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н.э. Л. 68–69.

³⁸ [Дьяконов И. М.] Глава 21. Ассирия XIX–XI вв. до н.э. Л. 29.

³⁹ Дьяконов И. М. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н.э. Л. 68.

неуспеха того или иного царя в условиях восточного общества. То, что удавалось воинственному Тиглатпаласару I ценой ежегодных походов, то не удавалось более слабому Ашшур-бел-кале»⁴⁰. Речь идет о следующих словах из работы «Марксизм и национальный вопрос» (1913 г.): «...несомненно, что великие государства Кира или Александра не могли быть названы нациями, хотя и образовались они исторически, образовались из разных племен и рас. Это были не нации, а случайные и мало связанные конгломераты групп, распадавшиеся и объединявшиеся в зависимости от успехов или поражений того или иного завоевателя»⁴¹. В контексте будущего творчества Дьяконова симптоматично то, каким образом он пытался использовать цитату уже в ранний период своей научной деятельности: не для того, чтобы подчеркнуть железную неумолимость основных характеристик классового общества, а для того, чтобы уйти от попыток как-то «закономерно» объяснить успехи Тиглатпаласара I. Это отношение к успехам Тиглатпаласара I как ко временным и не вызванным какими-либо принципиальными изменениями ассирийского общества сохранилось, как мы помним, и во всех поздних версиях⁴².

В целом текст, написанный около 1939 г., является достаточно очевидной ранней редакцией того, что было в итоге опубликовано во «Всемирной истории» в 1955 г. Вот характеристика Ашшурнацирапала II последовательно в двух версиях: «Наделенный незаурядным военным талантом, не останавливавшийся ни перед какими мерами для достижения цели, отличавшийся садистической жестокостью, не имеющей себе равной даже в кровавой летописи деяний ассирийских царей, он прошел Месопотамию и Сирию огнем и мечом, оставляя после себя запустение»⁴³. «Отличавшийся необыкновенной жестокостью, не имеющей себе равной даже в кровавой летописи ассирийских царей, Ашшурнацирапал II прошел Месопотамию и Сирию огнем и мечом, повсюду оставляя запустение»⁴⁴. Из более поздних версий исключен, вероятно в целях сокращения объема, параграф о «правлении Саммурамат-Семирамиды»⁴⁵. И вообще стиль «подсушен» и многие детальные пояснения изъяты из текста. Но при этом существенные моменты, например описание отношений Ассирии с завоеванными народами, не только остаются во «Всемирной истории», но и несут на себе следы той же текстуальной преемственности⁴⁶. То же самое можно сказать и про образный ряд (сравнение Каркемиша

⁴⁰ [Дьяконов И. М.] Глава 21. Ассирия XIX–XI вв. до н.э. Л. 23. — Причина этой правки, конечно, не в том, что Ранович боролся с цитатничеством: скорее всего, эти слова Сталина либо уже приводились в рукописи ранее другим автором, либо Ранович посчитал, что цитата здесь не вполне уместна.

⁴¹ Сталин И. В. Марксизм и национальный вопрос // Сталин И. В. Сочинения: в 18 т. Т. 2: 1907–1913. М., 1954. С. 293.

⁴² Если же говорить о самой цитате, то она позднее была перефразирована историком и использована в одной из работ 1950-х гг. в таком виде: «...в пределах слагавшихся “мировых” военно-административных объединений, представлявших неустойчивые конгломераты различных племен и рас» (Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова (Начало) // Вестник древней истории. 1952. № 3. С. 202).

⁴³ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н.э. Л. 7.

⁴⁴ Всемирная история. Т. 1. С. 535. Ср. также: АРАН. Ф. 1577. Д. 431. Л. 14; Всемирная история. Т. 1. С. 535–538.

⁴⁵ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н.э. Л. 17.

⁴⁶ См.: Там же. Л. 19; Всемирная история. Т. 1. С. 539.

с ключом к Сирии, слова о том, что «ассирийский воин в это время всегда следовал за ассирийским купцом»⁴⁷ и т. п.).

Иными словами, «ассирийский нарратив», в своих сущностных чертах до сих пор существующий в отечественной историографии, был сформулирован Дьяконовым на заре его собственной научной деятельности (и к началу 1950-х гг. насыщен дополнительной аргументацией на основании источников, после чего менялись только отдельные элементы, но не общая структура). Обоснованно поставить вопрос: какие образцы к этому времени он мог использовать для того, чтобы выстроить свое повествование?

Известно, что большую роль в становлении советского востоковедения сыграло обращение к наследию Б. А. Тураева. В частности, его «История Древнего Востока» переиздавалась даже в конце 1930-х гг. (под редакцией В. В. Струве). Сравнивая рассказы об Ассирии Тураева и Дьяконова, можно найти некоторые моменты совпадений в оценках: например, правление Ашшурнацирапала II Тураев характеризует формулой «энергия и страшная жестокость»⁴⁸. Но, тем не менее, эти повествования выстроены по-разному: Тураев сосредотачивается в основном на изложении известных сведений, и его главная забота (что полностью соответствовало уровню развития знаний по теме в начале XX в.) заключается в том, чтобы восстановить по возможности связную картину преимущественно политической истории. Дьяконов уже в довоенной версии нарратива старается раскрыть как подтекст политических интриг, так и особенности устройства ассирийского общества. У Тураева же нет объяснений в смысле отсылки к глубинным и неочевидным процессам, движущим историю: так, у него можно увидеть лишь незначительные намеки на разность интересов жреческой и военной группировок знати⁴⁹, а по поводу чрезмерно жесткого правления Синахериба, ставшего, в частности, разрушителем Вавилона (вскоре восстановленного его наследником), он замечает лишь, что тот «переоценивал свои силы: история и действительность были сильнее его, его предприятия не имели успеха»⁵⁰.

В лекциях Струве 1930-х гг. (раннюю их версию Дьяконов слушал в качестве студента), которые по своей фактологической канве воспроизводят тураевский рассказ об Ассирии, напротив, объяснений указанного выше рода много, но все они отличаются от тех, что вскоре пытался давать Дьяконов. Например, комментируя утрату Ассирией мощи вскоре после удачных походов Тиглатпаласара I, Струве полагает (сообразно со своей общей схемой причин ослабления восточных государств), что она была вызвана разложением ассирийского общества вследствие развития ростовщического капитала и обеднения части земледельцев, которые более не могли нести бремя воинской повинности⁵¹. Исходя из собственных же представлений о роли царской власти, Струве считал, что активно воевавшие цари, начиная с реорганизатора ассирийского войска Тиглатпаласара III, опира-

⁴⁷ [Дьяконов И. М.] Глава 21. Ассирия XIX–XI вв. до н. э. Л. 14; Всемирная история. Т. 1. С. 319.

⁴⁸ Тураев Б. А. История Древнего Востока. Л., 1936. Т. II. С. 31. — История переизданий Тураева проходит через весь ранний советский период. Используя это издание как близкое по времени к написанию Дьяконовым его глав по Ассирии, мы, конечно, не можем знать, в каком именно издании тот ознакомился с Тураевым, но для наших целей это не имеет принципиального значения.

⁴⁹ Там же. С. 47, 51.

⁵⁰ Там же. С. 51.

⁵¹ Струве В. В. История Древнего Востока. Краткий курс. М., 1934. С. 91.

лись на «народ-армию», противостоя тем самым зажиточной верхушке, в состав которой входили как представители жречества, так и частично командный состав армии⁵². Основные причины падения Ассирии Струве видел в слишком больших потерях ассирийского народа в войнах и в том, что «мировой рынок, который создавался ассирийскими завоеваниями, еще только возникал и не настолько окреп, чтобы на долгое время объединить под ассирийским игом все древневосточные государства»⁵³.

Если же говорить о структуре дьяконовского текста довоенной версии, то она в последовательности изложения основных сюжетов как политической, так и социальной истории достаточно близка «Кембриджской истории древности» (соответствующие главы были написаны С. Смитом), хотя и не является ее прямым воспроизведением. При этом ряд фактических подробностей в главах Дьяконова — это конспективное изложение соответствующих сюжетов английского многотомника: например, упоминания о строительной деятельности Салманасара III⁵⁴, правлении Шаммурамат-Семирамиды⁵⁵, особом почитании бога Набу царем Ададнирари III и ослаблении Ассирии после его правления⁵⁶, убийстве Синаххериба⁵⁷; наконец, близко по содержанию описание социального строя Ассирии⁵⁸. Сходится художественная оценка рельефов и статуй во дворце Ашшурнацирапала II в Калахе⁵⁹. Эмоциональные же высказывания, если и влияли на Дьяконова, то были им переосмыслены: например, анналы Ашшурнацирапала II характеризуют, по мнению Смита, «монотонность и откровенная жестокость»⁶⁰.

Несколько упрощая ситуацию, можно предположить с высокой степенью вероятности, что на текст рукописи Дьяконова наиболее повлияли «Кембриджская история древности» и Струве: первая вдохновила его на внимание к деталям, вто-

⁵² Там же. С. 94.

⁵³ Там же. С. 99. — Учитывая, что в начале 1950-х гг. Дьяконов, с опорой на источники, ясно писал о том, что ассирийское войско состояло далеко не только из ассирийцев, можно предположить, что первый тезис Струве вряд ли был для него убедителен и в конце 1930-х гг. См.: Дьяконов И. М. К вопросу о судьбе пленных в Ассирии и Урарту // Вестник древней истории. 1952. № 1. С. 94. — Второй тезис оказал на него большее воздействие, как это можно увидеть из анализа его собственных объяснений краха Ассирии.

⁵⁴ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 15; The Cambridge Ancient History. Vol. III: The Assyrian Empire / eds J. V. Bury, S. A. Cook, F. E. Adcock. Cambridge, 1925. P. 25.

⁵⁵ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 17; The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 27.

⁵⁶ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э.; The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 29–31.

⁵⁷ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 49; The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 79.

⁵⁸ Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 21–22, 66–67; The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 95–99.

⁵⁹ «Это искусство значительно отличается от шумеро-аккадского. Заметно хеттско-митаннийское влияние, но несомненно большее своеобразие...» (Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 10). Ср. (в переводе С. Б. Криха): «Общее впечатление, производимое этими ассирийскими изображениями, очень отличается от того, что дают шумерские или аккадские работы, и они являются результатом независимого развития искусства» (The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 17). Совпадение в содержании, что очевидно, не полное, но структурно рассказ об искусстве Калаха помещен Дьяконовым в той же части повествования, что и в кембриджском томе.

⁶⁰ The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 12. — Ср. с приведенными выше высказываниями Дьяконова об этом царе.

рой — на поиск истинных (неочевидных, непонятных без объяснения историка) причин исторических событий. При этом в первой Дьяконова явно не устраивал недостаток обобщений⁶¹, а во втором — само их содержание. Тем не менее в ранней версии заметны компромиссные формулировки: по поводу реформ Тиглатпаласара III Дьяконов отмечает, что, «делая известные уступки народным массам, ассирийский царь имел в виду лучше обеспечить власть господствующего класса»⁶².

Основным куратором тома был Струве, который, правда, вряд ли слишком тщательно знакомился с написанными его коллегами текстами глав⁶³, в отличие от выполнявшего функции редактора А. Б. Рановича. Последний, вычитывая главы по Ассирии, решил, что в них материал одолел автора — судя по обилию правок⁶⁴, Ранович серьезно поработал только с главой по ранней Ассирии, а другую главу решил вернуть на доработку самому автору — и дело было не в том, что у редактора не хватило сил. На заседании Бюро отделения истории и философии АН СССР 27 мая 1940 г., посвященном работе над томом, Ранович подчеркивал, что глава о поздней Ассирии написана «очень добросовестно, обстоятельно, но все события даны в одинаковых тонах и всем отводится совершенно одинаковое влияние и одинаковое место, в результате читатель из-за деревьев не видит леса, все ведущие исторические события тонут в море мелочей»⁶⁵. Излишние подробности в изложении видел и К. К. Зельин⁶⁶. Нужно отметить, что для издания 1955 г. эти главы были сокращены примерно на четверть⁶⁷.

Итак, становится ясным, что «ассирийский нарратив» Дьяконова сложился приблизительно в конце 1930-х гг. и обрел ясные черты к началу 1950-х. После этого уточнялись отдельные детали, отвергались устаревшие трактовки и варьировалась построенная на них аргументация, но в сущности это была уже одна и та же история с неизменными ключевыми точками («неассирийскость» Шамшиадада I, преждевременный успех Тукульти-Нинурты I, малозначимость походов Тиглатпаласара I, исчерпание сил после правления Салманасара III, принципиальный характер реформ Тиглатпаласара III, борьба военной и жреческой «партий»). Ко времени, когда нужно было отредактировать главы для наконец реализовавшегося издания

⁶¹ Здесь, конечно, ключевой вопрос в том, что советский историк (даже с молодых лет знакомый с зарубежной литературой) был готов считать обобщениями. Например, рассуждения Смита об особенностях эволюции ассирийского государства (The Cambridge Ancient History. Vol. III. P. 43–44) не нашли отклика в тексте Дьяконова. Надо думать, это были *не те* обобщения.

⁶² Дьяконов И. Глава 26. Ассирия X–VII вв. до н. э. Л. 26.

⁶³ Карпюк С. Г., Крих С. Б. Работа над «Всемирной историей» в довоенный период. С. 1025–1027.

⁶⁴ Сравнение почерка с известными нам образцами позволяет предполагать, что названия параграфов, данные карандашом, а равно и решительные стилистические правки, внесенные синими чернилами, принадлежат Рановичу. Не исключено, что рукопись читал еще один редактор. Однако разобраться в эволюции правок непросто: встречаются пометы серым и красным (редко) карандашами, а также чернилами — черными (как минимум большинство из них принадлежит Дьяконову), синими (двумя или тремя разными, одни принадлежат Дьяконову), зелеными (скорее всего, самые поздние правки, сделанные Рановичем). Возможно, рукопись несколько раз путешествовала из Ленинграда в Москву.

⁶⁵ Стенограмма заседания Бюро отделения истории и философии от 27 мая 1940 г. Вечернее заседание // АРАН. Ф. 457. Оп. 1 (1940). Д. 17. Л. 7.

⁶⁶ Там же. Л. 58. — Ирония в том, что по меркам «Кембриджской истории древности» главы Дьяконова были скорее краткими: в совокупности их объем составляет около 225 тыс. знаков, а главы по Ассирии во II и III томах английского труда — более 480 тыс. знаков.

⁶⁷ Объем «ассирийских» глав в изданной «Всемирной истории» — приблизительно 162 тыс. знаков.

«Всемирной истории», Дьяконов уже давно и увлеченно работал над вопросами истории шумерского государства и общества и готовил по этой теме докторскую диссертацию, что стало неприятным сюрпризом для Струве.

Но дело было не в том, что Дьяконов непременно хотел вытеснить Струве с занимаемых тем позиций в шумерологии. Надеясь на то, что молодой ассириолог будет заниматься исследованиями Северной Месопотамии и не вмешается в его «вотчину»⁶⁸, Струве не только недооценил масштаб Дьяконова как историка, но и не учел особенностей советской историографии, в становлении которой сам принимал заметное участие.

Торговля, войны, дворцовые перевороты — значительная и важная часть ассирийской истории, которая при этом совсем не была релевантна для определения истинного содержания исторического процесса по меркам советской науки. Иногда обстоятельства могли обеспечить историку лучшие условия для работы над подобными темами: в нашем случае это произошло в 1950-х гг., когда Дьяконов устроился совместителем в Институт истории Азербайджана и написал «Историю Мидии». «Все тогда искали предков познатнее и подревнее, и азербайджанцы надеялись, что мидяне — их древние предки»⁶⁹, — писал Дьяконов в воспоминаниях. Поскольку сведения о мидийцах крайне скудны, ученому пришлось восстанавливать их предысторию не только с помощью античных авторов, но и через вавилонские, ассирийские, эламские и урартские тексты. В частности, он провел тщательный анализ географии и результативности ассирийских походов на территорию Иранского и Армянского нагорий, предложил собственную версию обстоятельств крушения Ассирийской империи, осветив тем самым историю одного региона через его взаимодействие с другим⁷⁰. «Историю Мидии» трудно считать книгой, написанной на заказ. Перед нами скорее использование внешних факторов, которые позволили историку увидеть новые возможности в использовании известного ему фактического материала.

Соответственно, нельзя сомневаться в том, что квалификации Дьяконова вполне доставало для того, чтобы предложить свое решение и других вопросов ассирийской военно-политической истории (например, о том, при каких обстоятельствах Тиглатпаласар III взшел на трон), точно так же, как хватило ему квалификации для комментированного издания законодательных памятников в начале 1950-х гг., но советские читатели (включая собственных коллег) сочли бы специальное исследование на подобные темы очередным свидетельством неумения «видеть лес за деревьями»⁷¹. Истоки же обоснованных суждений об ассирийской соци-

⁶⁸ Издавая источники по законодательству, Дьяконов писал, что в отличие от шумерского общества ни старовавилонское, ни ассирийское или хеттское еще не исследованы в советской науке в должной мере. Соблазнительно допустить, что такие слова вполне могли убедить Струве в том, что внимание его молодого коллеги будет приковано прежде всего к малоизученным темам. См.: Законы Вавилонии, Ассирии и Хеттского царства / пер. и коммент. под ред. И. М. Дьяконова (Начало). С. 200.

⁶⁹ Дьяконов И. М. Книга воспоминаний. С. 731.

⁷⁰ Дьяконов И. М. История Мидии. От древнейших времен до конца IV века до н. э. М.; Л., 1956. С. 134–137, 154–169, 194–225, 293–316.

⁷¹ Потому и в «Истории Мидии» Дьяконов не может не уделить внимание вопросам социально-экономического развития того или иного региона, которые рассматриваются как определяющие характер завоеваний: см., например, сравнение ассирийского и урартского отношения ко включенным в состав государства сельскохозяйственным районам, объяснение причин боеспособности

альной и экономической истории лежали в Шумере, и объяснения, которые давал Струве для шумерской истории, не совпадали с теми, что видел Дьяконов в истории ассирийской. Следовательно, ему нужно было разбираться в этих вопросах самостоятельно⁷². В таком случае он не мог избежать противоречий с академиком, а их со Струве грядущая «битва за Шумер»⁷³ была предопределена.

Если говорить о судьбе «ассирийского логоса», то он до сих пор остается актуальной частью отечественного исторического пространства, но положение дел несколько изменилось в последние годы. В новом академическом издании «Всемирной истории» глава по Ассирии написана А. А. Немировским, и она, сохраняя черты преемственности с дьяконовским повествованием, имеет с ним и ряд существенных расхождений. Если древнейшая ассирийская история и среднеассирийский период излагаются (при отдельных отличиях в фактическом материале и стилистике) в целом в русле исследованного нами нарратива (хотя Немировский склонен, например, оценивать достижения Тиглатпаласара I более серьезно⁷⁴), то новоассирийский период рассматривается принципиально под иным углом. Речь здесь идет не только о том, что Немировский приводит другой иллюстративный материал (фактология в обобщающих работах играет, по сути, именно такую роль), важнее то, что часть прежних объяснений дана с иными акцентами, а иногда приводятся новые. Так, фактически элиминирована версия о противостоянии военно-служилой и торгово-жреческой «партий» знати: хотя сохранена идея политического напряжения между царской властью и привилегированными «коренными» городами⁷⁵, но значимость этого противостояния не возводится до уровня центрального сюжета внутренней политики Ассирии, что, кстати, снимает необходимость решения часто тупикового вопроса о том, какие цари были ставленниками конкретной группировки знати. Главной причиной возвышения и падения Ассирии Немировский видит создание «денационализированной» военной системы. Оказавшись необычайно эффективной для завоевания территорий, она стала автономной системой в государстве, развязав гражданскую войну, подорвавшую основы ассирийского могущества⁷⁶. Таким образом, трансформация созданного Дьяконовым образа Ассирии в итоге произошла, что позволило во многом сделать рассказ о ней и более насыщенным, и по ряду позиций менее противоречивым. Од-

мидийского войска недалеко зашедшим социальным расслоением, предположение народных волнений во время войн за ассирийское наследство (Там же. С. 218, 295–296, 302).

⁷² Вклад А. И. Тюменева в корректировку выводов Струве был важным, но недостаточным. Консультируя Тюменева, Дьяконов мог только укрепиться в необходимости работы в этом направлении. См.: Тюменев А. И. Государственное хозяйство Древнего Шумера. М.; Л., 1956.

⁷³ Речь идет о различных воззрениях на раннюю шумерскую историю, которые привели к открытой полемике между Дьяконовым и Струве, завершившейся формальным примирением в последние годы жизни академика и фактической победой взглядов Дьяконова в позднесоветской ассириологии. См.: Крих С. Б. И. М. Дьяконов против В. В. Струве: полемика на полях Шумера // Вестник древней истории. 2016. Т. 76, № 4. С. 1011–1029. При этом следует указать, что взгляды Струве и Дьяконова на историю Шумера при III династии Ура расходились намного меньше, чем по другим вопросам месопотамской истории (Крих С. Б. Плановая экономика от Шумера до Советского Союза: судьба древней империи глазами современных историков // *Ab Imperio*. 2015. № 3. С. 255–291).

⁷⁴ Всемирная история. Т. I: Древний мир / отв. ред. В. А. Головина, В. И. Уколова. М., 2011. С. 287–288.

⁷⁵ См., например: Там же. С. 294.

⁷⁶ Там же. С. 293.

ной из важнейших причин такой трансформации, видимо, следует считать выход за пределы советско-марксистского историописания.

References

- Antonova K. A. My, vostokovedy. *Vostok*, 1992, no. 2, pp. 140–152. (In Russian)
- Diakonoff I. M. A. P. Riftin. Starovavilonskie iuridicheskie i administrativnye dokumenty v sobraniiaxh SSSR. M.; L., 1937. *Vestnik drevnei istorii*, 1940, no. 3–4, pp. 238–240. (In Russian)
- Diakonoff I. M. *Istoriia Midii. Ot drevneishikh vremen do kontsa IV veka do n.e.* Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1956, 486 p. (In Russian)
- Diakonoff I. M. K voprosu o sud'be voennoplennykh v Assirii i Urartu. *Vestnik drevnei istorii*, 1952, no. 1, pp. 90–100. (In Russian)
- Diakonoff I. M. *Kniga vospominanii*. St Petersburg, Fond regional'nogo razvitiia Sankt-Peterburga Publ., Evropeiskii dom Publ., EUPRESS, 1995, 768 p. (In Russian)
- Diakonoff I. M. Novye dannye o shumerskoi kul'ture. S. N. Kramer. Sumerian Mythology. Philadelphia, 1944 (Memoirs of the American Philosophical Society. Vol. XXI). *Vestnik drevnei istorii*, 1947, no. 2, pp. 104–113. (In Russian)
- Diakonoff I. M. Pis'mo shumerskomu tsariu Shu-Sinu (k voprosu o zemel'nykh otnosheniiaxh v Shumere). *Vestnik drevnei istorii*, 1939, no. 1, pp. 59–64. (In Russian)
- Diakonoff I. M. *Puti istorii: Ot drevneishego cheloveka do nashikh dnei*. Moscow, KomKniga Publ., 2007, 384 p. (In Russian)
- Diakonoff I. M. *Razvitie zemel'nykh otnoshenii v Assirii*. Leningrad, Izdatel'stvo Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta Press, 1949, 152 p. (In Russian)
- Diakonoff I. M. *The Paths of History*. New York, Cambridge University Press, 1999, XI+355 p.
- Diakonoff I. M., Yakobson V. A. “Nomovye gosudarstva”, “territorial'nye tsarstva”, “polisyy” i “imperii”. Problemy tipologii. *Vestnik drevnei istorii*, 1982, no. 2, pp. 3–16. (In Russian)
- Emelianov V. V. B. A. Turaev i bor'ba za shumerologiiu v russkoi nauke nachala XX veka. *Religiovedenie*, 2020, no. 3, pp. 5–18. (In Russian)
- Karpyuk S. G., Krikh S. B. Rabota nad “Vsemirnoi istoriei” v dovoennyi period: poiski upravlencheskoi modeli. *Vestnik drevnei istorii*, 2018, no. 4, pp. 1011–1031 (In Russian)
- Krikh S. B. I. M. D'iakonov protiv V. V. Struve: polemika na poliakh Shumera. *Vestnik drevnei istorii*, 2016, vol. 76, no. 4, pp. 1011–1029. (In Russian)
- Krikh S. B. Planovaia ekonomika ot Shumera do Sovetskogo Soiuz: sud'ba drevnei imperii glazami sovremennykh istorikov. *Ab Imperio*, 2015, no. 3, pp. 255–291. (In Russian)
- Struve V. V. *Istoriia drevnego Vostoka. Kratkii kurs*. Moscow, Gosudarstvennoe sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo, 1934, 130 p. (In Russian)
- Tumenev A. I. *Gosudarstvennoe khoziaistvo drevnego Shumera*. Moscow, Leningrad, AN SSSR Press, 1956, 518 p. (In Russian)
- Turaev B. A. *Istoriia drevnego Vostoka*, vol. II. Leningrad, OGIZ Publ., Sotsial'no-ekonomicheskoe izdatel'stvo Publ., 1936, 322 p. (In Russian)

Статья поступила в редакцию 22 декабря 2020 г.

Рекомендована к печати 17 декабря 2021 г.

Received: December 22, 2020

Accepted: December 17, 2021